

ГАМЛЕТЪ И ДОНЪ-КИХОТЪ

И МНѢНІЕ О НИХЪ

И. С. ТУРГЕНЕВА.

ор. 5004 17.1.1973

А. Львова.

L'vov, A.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Л. ДЕМИСА.

На Литейной, противъ Семіоновской улицы, въ домъ № 42.

1862.

891.78
T94ga
L97
1862a

Одобрено цензурою 25 Июня 1862 года

F203-281981

ГАМЛЕТЪ И ДОНЪ-КИХОТЪ

И МНѢНІЕ О НИХЪ П. С. ТУРГЕНЕВА.

Многимъ можетъ показаться страннымъ, что въ настоящее время является довольно обширный разборъ небольшой статьи, напечатанной два года тому назадъ, а потому мы считаемъ необходимымъ предварительно сказать нѣсколько словъ о томъ, что побудило насъ къ этому разбору.

Въ статьѣ своей «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ,» г. Тургеневъ, желая представить два типа человѣческой природы, выразившихся по его мнѣнію въ Гамлетъ и Донъ-Кихотъ, провелъ паралель между этими характерами и пропалъ свои приговоры о нихъ и даже о Шекспирѣ и Сервантесѣ со всею рѣшительностію авторитета, не доказывая иногда ничѣмъ своихъ положеній, совершенно невѣрныхъ, часто противорѣчащихъ одно другому и, что всего важнѣе, не вездѣ вѣрно передавая содержаніе подлинника. Кроме того, статья эта наполнена самыми страшными парадоксами о самопожертво-

ваніи, истины, добры и т. п.; хотя парадоксы эти не новы и, къ сожалѣнію, очень часто встрѣчаются въ нашей литературѣ, но нигдѣ они не были высказаны такъ ловко и такъ смѣло, какъ у г. Тургенева. Не смотря на то, статья эта прошла почти безъ замѣчанія со стороны критики: небольшія рецензіи, появлявшіяся до сихъ поръ, ограничивались только безусловными похвалами автору или поверхностными замѣчаніями о парадоксальности нѣкоторыхъ его воззрѣній. Конечно такіе вопросы, какъ: *«неужели же надо быть сумасшедшимъ, чтобы върять въ истину? и неужели же умъ, овладѣвшій собою потому самому лишается всей своей силы?»* (*), такіе вопросы могли быть оставлены безъ вниманія: они слишкомъ оригинальны и громко говорятъ сами за себя, точно также какъ и мнѣнія о Гамлетѣ и Донъ-Кихотѣ. Но статья г. Тургенева имѣла явный успѣхъ: она была прочтана въ публичномъ собраніи и встрѣчена единодушными рукоплесканіями, затѣмъ напечатана въ январьской книжкѣ Современника за 1860 годъ и наконецъ переведена на французскій языкъ. Не входя въ подробный разборъ такого страннаго успѣха и равнодушія критики къ этой статьѣ, нельзя не замѣтить, что пуб-

(*) Современникъ январь 1860 г. стр. 230.

лка, сочувствовавшая мнѣніямъ г. Тургенева, по всей вѣроятности была мало знакома съ означенными произведеніями Шекспира и Сервантеса, иначе ей бы бросилась въ глаза прежде всего невѣрная передача ихъ содержанія; съ другой стороны, успѣху этой статьи могло способствовать и то обстоятельство, что она принадлежитъ автору, пріобрѣтшему извѣстность въ нашей литературѣ; многіе читатели, незнакомые съ предметомъ, увлеченные рѣшительностью и смѣлостью тона, могли повѣрить автору на слово, не обративъ вниманія на то, что знаменитый писатель повѣстей и разсказовъ можетъ вовсе не быть критикомъ и философомъ. Вотъ причины, которыя заставили насъ разсмотрѣть съ возможною подробностью статью г. Тургенева, особенно относительно его взгляда на Гамлета и Донъ-Кихота. При этомъ мы не могли слѣдовать методу высказывать наши мнѣнія въ видѣ аксіомъ, которыми, какъ намъ кажется, можно выражать только положенія, принятые въ обществѣ за непреложную истину, а покуда эти положенія составляютъ личное мнѣніе писателя — они должны быть доказаны; точно также уже изъ одного уваженія къ произведеніямъ Шекспира и Сервантеса, мы не смѣли произнести наше мнѣніе о нихъ наобумъ, безъ строгой и добросовѣстной повѣрки своего взгляда.

Этимъ объясняется и обширность нашего разбора и позднее его появленіе. Были еще и другія причины, замедлившія выходъ нашего разбора — причины которыя не зависѣли отъ насъ, и о которыхъ мы считаемъ лишнимъ упоминать.

Обращаемся къ статьѣ г. Тургенева.

Въ началѣ авторъ объясняетъ, что поводомъ къ паралели между Гамлетомъ и Донъ-Кихотомъ послужила одновременность появленія этихъ произведеній. Оба они явились въ одинъ годъ, въ началѣ XVII столѣтія. Сравнивая ихъ между собою, авторъ пришелъ къ тому заключенію, что Донъ-Кихоть и Гамлетъ представляютъ собою два типа человѣческой природы: Вотъ какъ опредѣляетъ эти типы г. Тургеневъ:

«Всѣ люди живутъ сознательно или безсознательно; въ силу своею принципа, или, говоря точнѣе, въ силу своего идеала, т. е. въ силу того, что они почитаютъ правдой, красотою, добромъ. Многіе получаютъ свой идеалъ уже совершенно готовымъ, въ опредѣленныхъ исторически сложившихся формахъ; они живутъ, соображая жизнь свою съ этимъ идеаломъ; иногда отступая отъ него подъ вліяніемъ страстей или случайно-стей, но они не разсуждаютъ о немъ, не сомнѣваются въ немъ: другіе напротивъ, подвергаютъ его анализу собственной мысли (стр. 240)».

Итакъ авторъ раздѣляетъ людей на людей,

которые вѣрятъ слѣпо въ свой идеалъ, не рассуждая, и на людей, которые подвергаютъ его анализу своей мысли.

Авторъ продолжаетъ: «какъ бы то ни было, «мы, кажется, не слишкомъ ошибемся если скажемъ, что для всѣхъ людей этотъ идеалъ, эта основа и цѣль ихъ существованія находится либо внѣ ихъ, либо въ нихъ самихъ:—другими словами, для каждого изъ насъ, либо собственное «я становится на первомъ планѣ, либо нѣчто другое, признанное ими за высшее».

Здѣсь уже является новое раздѣленіе людей совершенно отличное отъ перваго. Въ первомъ, какъ мы замѣтили, авторъ раздѣляетъ людей по свойству вѣрованія въ ихъ идеалъ: одни вѣрятъ слѣпо, а другіе съ рассужденіемъ, но идеалъ былъ общій; здѣсь же авторъ раздѣляетъ людей по свойству идеала: одни люди принимаютъ за идеалъ собственное я, а другіе нѣчто другое, находящееся внѣ ихъ, признанное ими за высшее.

Такимъ образомъ вмѣсто двухъ типовъ, вышло цѣлыхъ четыре: 1) люди вѣрующіе слѣпо въ идеалъ, не рассуждая о немъ; 2) вѣрующіе въ идеалъ съ рассужденіемъ; 3) люди принимающіе за идеалъ собственное я, и наконецъ 4) люди, которые принимаютъ за идеалъ нѣчто другое, признанное ими за высшее. Между всѣми этими типами лежитъ огромная разница; къ которому

же изъ нихъ относятся Гамлетъ и Донъ-Кихотъ? авторъ этого не объясняетъ, а продолжая говорить о какихъ то двухъ типахъ, переходитъ къ опредѣленію характера Донъ-Кихота и замѣчаетъ, что Донъ-Кихотъ второй части, любезный собесѣдникъ герцоговъ и герцогинь, мудрый наставникъ оруженосца губернатора уже не тотъ Донъ-Кихотъ, какимъ онъ является намъ въ первой части, *не тотъ странный и смѣшной чудакъ, на котораго такъ щедро сыплются удары* (стр. 241).

Чтобы показать на сколько это справедливо, мы считаемъ необходимымъ положить въ короткихъ словахъ содержаніе Донъ-Кихота, тѣмъ болѣе, что и г. Тургеневъ опирается на малое знакомство русской публики съ этимъ произведеніемъ.

Въ первой части Сервантесъ рассказываетъ, что въ небольшомъ селеніи Ламанша жилъ бѣдный гidalго. Алонзо Кихана. Кихана любилъ охоту, а въ свободное время, что составляло почти цѣлый годъ, онъ читалъ рыцарскіе романы съ такимъ рвеніемъ, что почти совсѣмъ позабылъ объ охотѣ, объ управленіи имѣніемъ и наконецъ сошелъ отъ нихъ съ ума. Ему представилось, что сдѣлавшись странствующимъ рыцаремъ онъ доставитъ тѣмъ себѣ славу и услугу своей странѣ. Кихана выпустилъ вавившіеся прадѣдовскіе доспѣхи; недостававшій

шлемъ замѣнилъ картопнымъ, и перемѣнилъ ния себѣ и лошади, назвавъ себя Донъ-Кихотомъ Ламавскимъ, а лошадь Россинантомъ. Въ сосѣдней деревнѣ жила одна молоденькая крестьянка по имени Алонца Лоренцо, въ которую Кихано былъ одно время влюбленъ, о чемъ Лоренцо и не подозрѣвала. Ес то онъ и выбралъ въ дамы своего сердца, а чтобы ния ея соответствовало его собственному и напоминало собою знатную даму и принцессу, онъ назвалъ ее Дульцинесю Тобосскою, по имени деревни, гдѣ она родилась.

Сдѣлавши такія приготовленія, Донъ-Кихотъ отправился искать приключеній.

Первую попавшуюся гостиницу онъ принялъ за рыцарскій замокъ, пастуха, который сзывалъ свиней въ рожокъ, за карлика, возвѣщавшаго о его пріѣздѣ, двухъ служанокъ, вышедшихъ ему навстрѣчу, за дамъ этого замка, а хозяйна гостиницы за рыцаря. Еще на пути въ гостиницу Донъ-Кихотъ вспомнилъ, что нужно быть посвященнымъ въ рыцари, а потому онъ сталъ просить объ этомъ хозяина. Хозяинъ, желая позабавиться надъ своимъ гостемъ, согласился и назначилъ ему обрядъ бдѣнія надъ оружіемъ (*la veillée des armes*) на заднемъ дворѣ. Донъ-Кихотъ положилъ свое оружіе на коягу и сталъ его охранять. Ночью погонщикъ лошаковъ, желая напоить скотъ, хотѣлъ снять ору-

жіе съ коягн. Донъ-Кихоть принялъ его за дерзкаго рыцаря, который нанесъ ему оскорбленіе и избилъ погонщика до полусмерти; тоже случилось и съ другимъ погонщикомъ. Тогда хозяинъ, желая поскорѣе избавиться отъ такого гостя, поспѣшилъ окончить обрядъ посвященія.

Первый подвигъ Донъ-Кихота, по выходѣ изъ гостиницы, заключался въ томъ, что онъ освободилъ крестьянскаго мальчика отъ побоевъ его хозяина, — подвигъ, о которомъ мы будемъ имѣть случай говорить подробнѣе. Потомъ Донъ-Кихоть, встрѣтивъ Толедскихъ купцовъ, потребовалъ отъ нихъ признанія, что въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ женщины краше Императрицы Ламаншской Императрицы Дульцинеи Тобосской. Одинъ изъ купцовъ отвѣчалъ, что, никогда певидавши ее, они не могутъ судить о ея красотѣ. Донъ-Кихоть пришелъ въ гнѣвъ, бросился съ копьемъ на купцовъ; но лошадь споткнулась и упала вмѣстѣ съ всадникомъ; вооруженіе не позволяло ему подняться и купцы больно его поколотили. Лежа на землѣ, Донъ-Кихоть вспомнилъ про одного героя романа, Бодунна, положеніе котораго онъ нашелъ похожимъ на свое собственное; придавши себѣ видъ глубокой горести, онъ сталъ кататься по землѣ и слабымъ голосомъ говорить слово въ слово, что говорилъ тотъ герой. Такимъ же образомъ онъ сталъ произносить романсъ и когда дошелъ до словъ «о благород-

ный маркизь Мантуйскій, мой дядя и господиня!» къ нему подошелъ одинъ крестьянинъ изъ одной съ нимъ деревни. На всѣ вопросы крестьянина Донъ-Кихотъ отвѣчалъ словами разныхъ героевъ романовъ, которыя онъ находилъ приличными своему положенію. Крестьянинъ посадилъ его на своего осла и привезъ домой.

Такъ кончился первый выходъ Донъ-Кихота. Оправившись отъ побоевъ, Донъ-Кихотъ опять поѣхалъ искать приключеній. На этотъ разъ онъ подговорилъ себѣ въ оруженосцы одного бѣднаго поселенина по имени Санчо-Панса, съ которымъ впоследствии уже не разлучался.

Похожденія Донъ-Кихота во второмъ выходѣ также безумны, какъ и въ первомъ: онъ сражался и съ мельницами, принимая ихъ за великановъ и съ баранами, принимая ихъ за рыцарей, нападалъ на монаховъ, которые несли покойника, освобождалъ преступниковъ; ему доставалось за это и отъ мельницъ и отъ лакеевъ и отъ пастуховъ. Наконецъ, увидѣвъ религіозную процессію, Донъ-Кихотъ принялъ образъ Божіей Матери, покрытый траурною одеждою, за знатную и могущественную даму, которую ведутъ насильно, поскакалъ ее освобождать и, не слушая никакихъ резонновъ, атаковалъ носилки Божіей Матери. Носильщики избили его такъ сильно, что священникъ и цырюльникъ, изъ сосѣд-

ней съ нимъ деревни, привезли его полуживаго домой. Это былъ послѣдній подвигъ Донъ-Кихота изъ втораго его выхода, которымъ оканчивается и первая часть романа.

Вторая часть заключаетъ въ себѣ третій и послѣдній выходъ Донъ-Кихота. Прежде чѣмъ начать свои подвиги, Донъ-Кихоть отправился къ Дульцинеѣ, чтобы испросить у нея благословенія на свои предпріятія. Подъѣхавши къ Тобосско, онъ послалъ Санчо отыскать ее. Санчо, увидавши какихъ то трехъ крестьянокъ, поспѣшилъ увѣдомить Донъ-Кихота, что Дульцинея ѣдетъ къ нему на встрѣчу въ сопровожденіи двухъ дамъ. Донъ-Кихоть, увидѣвши крестьянокъ, очень удивился, но Санчо сталъ увѣрять его, что это точно Дульцинея, что удивительно какъ Донъ-Кихоть не видитъ ея красоты и когда Санчо сталъ передъ-одною изъ крестьянокъ на колѣни, Донъ-Кихоть также преклонилъ колѣни и въ пышныхъ фразахъ началъ выражать свою любовь. Крестьянки не стали его долго слушать и усакали. Донъ-Кихоть рѣшилъ, что Дульцинея его очарована волшебниками. Опечаленный такимъ несчастіемъ, онъ поѣхалъ искать приключеній, направляясь къ Сарагоссѣ, гдѣ готовился рыцарскій праздникъ.

Не входя въ подробный разсказъ подвиговъ Донъ-Кихота до встрѣчи съ герцогомъ и герцогиней, скажемъ только, что онъ, желая до-

казать волшебникамъ свою храбрость, вызывалъ на бой льва, который къ счастію не вышелъ изъ клѣтки; сражался съ маріонетками, принявъ ихъ за Мавровъ, сходилъ въ пещеру Монтези-вось и потомъ увѣрялъ, что видѣлъ тамъ людей, очарованныхъ волшебниками, въ томъ числѣ и свою Дульцинею, разговаривалъ съ ними и проч. Остановившись на пребываніи Донъ-Кихота у герцога и герцогини, о которомъ упоминаеть г. Тургеневъ.

Донъ-Кихотъ встрѣтился съ ними случайно въ лѣсу. Герцогъ и герцогиня читали первую часть его походовъ, а потому очень обрадовались этой встрѣчѣ и пригласили его къ себѣ въ замокъ. Желая поддѣлаться подъ характеръ Донъ-Кихота, они рѣшились принять его, какъ рыцаря. Шесть дѣвушекъ сняли съ него оружіе и подали новую одежду. Переодѣвшись Донъ-Кихотъ отправился къ обѣду. Герцогъ посадилъ его на первое мѣсто. За столомъ герцогиня спросила у Донъ-Кихота, имѣеть ли онъ извѣстіе отъ Дульцинеи. Донъ-Кихотъ отвѣчалъ, что онъ посылалъ къ ней побѣжденныхъ имъ великановъ и злодѣевъ, но такъ какъ она очарована, то они и не могли ее найти. Монахъ, прожившій въ домѣ герцога, убѣдившись изъ такого отвѣта, что это тотъ самый Донъ-Кихотъ, о которомъ читалъ герцогъ, разсердился, сталъ упрекать герцога за то, что онъ поддерживаетъ

Донъ-Кихота въ его сумашествіи и обратясь къ Донъ-Кихоту сказалъ, чтобы онъ пересталъ скитаться по свѣту, какъ бродяга, что въ настоящее время нѣтъ ни странствующихъ рыцарей, ни очарованныхъ Дульциней и тому подобныхъ нелѣпостей. Донъ-Кихоть также разсердился и началъ защищать свое рыцарство. Санчо сталъ поддерживать своего господина и заключилъ, что безъ того не обойдется, чтобы Донъ-Кихоть не владѣлъ, а онъ, Санчо, не управлялъ островами. «Конечно нѣтъ, другъ Санчо, сказалъ герцогъ; у меня есть теперь свободный островъ, очень порядочный, который я и даю тебѣ въ управленіе отъ имени рыцаря Донъ-Кихота». — Стань на колѣни Санчо, сказалъ Донъ-Кихоть, и цѣлуй ноги у его свѣтлости за оказанную тебѣ милость. — Монахъ, окончательно взбѣшенный, вышелъ изъ за стола, а герцогъ замѣтилъ Донъ-Кихоту, что онъ защищался противъ монаха блистательно и побѣдоносно, что онъ не можетъ принять клевету за безчестіе. Донъ-Кихоть согласился съ герцогомъ, сталъ разсуждать о различіи между обидою и безчестіемъ и изъявлялъ сожалѣніе, что не успѣлъ доказать монаху его заблужденіе относительно несуществованія странствующихъ рыцарей. » Если бы Амадисъ (одинъ изъ героевъ рыцарскихъ романовъ, которые читалъ Донъ-Кихоть), если бы Амадисъ, заключилъ Донъ-Кихоть, или кто нибудь изъ его безчислен-

наго потомства услышалъ такое кощунство, то его преподобіе не отдѣлялся бы такъ дешево». По окончаніи обѣда вошли четыре дѣвушки; одна изъ нихъ подошла къ Донъ-Кихоту и стала намыливать ему лице; Донъ-Кихоть не противился, думая, что это обычай страны и вытянулъ шею на сколько могъ. Намыливши ему все лице, дѣвушка вышла какъ будто за водою, а Донъ-Кихоть оставался въ такомъ положеніи, покуда дѣвушка не вернулась и не умыла ему лица. Герцогъ не былъ предупрежденъ объ этой выдумкѣ и не зналъ, наказать ли дѣвушекъ за дерзость, или наградить за доставленное удовольствіе. Чтобы не дать замѣтить насмѣшки, герцогъ вслѣлъ и себя умыть такимъ же образомъ. Послѣ омовенія гость и хозяинъ продолжали бесѣдовать о разныхъ предметахъ, касавшихся военнаго искусства и Дульцинес. Когда Донъ-Кихоть отправился спать, герцогиня позвала Санчо и, спросивъ все, что ей нужно было знать относительно очарованія Дульцинес, передала этотъ разговоръ герцогу. «Потомъ, говоритъ Сервантесъ, они стали совѣтоваться между собою какъ бы сыграть надъ Донъ-Кихотомъ какую нибудь знаменитую шутку въ духѣ рыцарства и сыграли надъ нимъ въ этомъ родѣ много шутокъ, которыя были такъ хорошо прилажены и придуманы, что конечно составляютъ самыя лучшія изъ